

ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ТАЙНЫ

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА

ОТЕЛЬ
ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Отель последней надежды / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-208639-7

«Я тебя разлюбил, — сказал муж и посмотрел в сторону. — Ничего не поделаешь! Я же предупреждал тебя, что я человек сложный!..» Вот так в одно-единственное мгновение все рухнуло... Теперь нужно будет учиться жить заново, жить одной, жить без него... Только любимая работа помогала забыть этот кошмар и не сойти с ума. А отель, где Надежда возглавляла службу портье, готовился к визиту ни много ни мало... американского президента. Введены строжайшие меры безопасности. Всех сотрудников тщательно проверяют. Однако Дэн Уолш, глава службы безопасности президента, с ужасом понимает: Надежда Звонарева, которая — вот дьявол! — ему так сильно нравится, очень подозрительно себя ведет. И ее нужно проверить в первую очередь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208639-7

© Устинова Т. В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Будь таким, какой ты есть. Или же будь таким, каким ты кажешься.

Джелаладдин Руми

— Я тебя разлюбил, — сказал муж и посмотрел в сторону. — Ничего не поделаешь! Я же предупреждал тебя, что я человек сложный!..

— Когда предупреждал? — спросила Надежда.

В голове было пусто, на душе тоже пусто. Так пусто, что она цеплялась к словам, придумывала вопросы, чтобы не сидеть в пустоте.

— Еще давно! — энергично произнес муж и сморщился. Ему тягостна была сцена прощания, и хотелось, чтобы она поскорее закончилась. Желательно без потерь. — Помнишь, я говорил тебе, что со мной очень сложно, я быстро устаю от жизни с одним человеком, начинаю скучать... Помнишь?

Надежда пожала плечами. Возможно, он и говорил, но она ничего такого не помнила, конечно.

А может, и не слышала вовсе. Она была в него влюблена, а когда человек влюблен, его трудно напугать тем, что объект его вселенской, неземной, единственной в мире любви «быстро устает» или «начинает скучать»!..

Какая разница, начинает или нет! Уж со мной-то точно не заскучает! Ведь такой вселенской, неземной, единственной в мире любви не было ни у кого с момента сотворения мира!

Они помолчали, сидя по разные стороны дивана и глядя друг на друга.

Он же мой, думала Надежда. Он мой, вон и царапина на руке моя — он ободрался, когда на прошлой неделе я его попросила на участке у мамы наломать сирени. Он наломал, но поцарапался, и мы вместе заклеивали руку пластырем, чтобы было не так заметно. И кружка, из которой он пьет чай, тоже моя. Белая кружка с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию», которую я привезла из этой самой Калифорнии, он кружку обожает!.. И рубашка моя — я ее покупала к лету на распродаже и страшно гордилась собой, что удалось так ловко сэкономить, почти вдвое!.. И глаза, в которые я люблю смотреть, очень темные, черные почти, ни у кого на свете я больше не видела таких темных глаз, и длинные ресницы, и смешная ямочка на одной щеке — все мое!

Или... уже не мое?

— Ты... кого-нибудь встретил? — вдруг спросила Надежда.

Нельзя так спрашивать, она прекрасно это знает, и во всех книгах по психологии написано, что нельзя спрашивать мужчину о его личной жизни и нельзя задерживать его, когда он уходит. Нельзя, потому что можно утратить чувство собственного достоинства. Кажется, согласно этим книгам, можно спросить о его планах относительно раздела имущества. Можно, но невыносимо, потому что раздел имущества — это конец, точка, финишная ленточка, забежав за которую ничего не остается, только упасть замертво.

И еще гордость, да, да!.. У меня же есть гордость.

Но что с ней делать, когда он бросает меня и вот-вот бросит навсегда?!

— Да никого я не встретил! — сказал он с досадой. Видимо, не следует спрашивать мужчину о его личной жизни. Также нельзя препятствовать ему, когда

он вознамерился уйти, ибо все равно уйдет, но гордость может пострадать...

— А если не встретил, то почему ты уходишь?.. — произнесла Надежда страшным шепотом и прижала кулаки к сухим глазам. — Зачем?!

— Ну вот, — пробормотал муж. — Началось.

— Нет, нет, нет, — забормотала Надежда, отняла руки от глаз и поморгала, чтобы он видел, что она не плачет, и посмотрела умоляющим собачьим взглядом.

— Не бросай меня, а?.. Ну пожалуйста!.. Ну, разлюбил, так хоть пожалей меня, вот прямо сейчас возьми и пожалей, как жалел всегда, если я температурила или ушибала палец!.. Ты брал меня за руку, целовал в ладонь, шептал какие-то глупые слова, и становилось не больно и не страшно. А сейчас ты раздражаешься оттого, что мне больно из-за тебя, и тебе хочется на свободу, и совсем не хочется страдать, и уж тем более разделять мои страдания!..

Я же вижу. Я столько лет тебя знаю!..

— Мне скучно, — сказал он решительно. Он все время говорил решительно, наверное, потому, что долго готовился к разговору. — Тебя никогда нет дома, а я должен тебя ждать! Мне неинтересно с твоей тусовкой, а больше ты никуда не ходишь, потому что ты все время на своей гребаной работе!

— Давай ходить! — пылко и страстно крикнула Надежда. — Давай, я согласна!

— Поздно, — сказал муж. — Я тебя все-таки разлюбил, Надя. Ты понимаешь?

И тут она поняла.

Он никогда в жизни не называл ее Надей. Только Надюха или Надежда. Надя — персонаж из другой жизни, в которую они сейчас, должно быть, только вступали.

— Ты меня разлюбил... совсем? — жалобно спросила она. Слезы подступили к последнему рубежу обо-

роны, и никак нельзя было допустить, чтобы они прорвали плотину и затопили все вокруг. — Или еще все-таки не совсем?.. Если еще не совсем, давай... ну хоть до Нового года назначим срок, а? Ты... отдохнешь от меня, а там посмотрим...

— Да ничего мы не посмотрим, Надь! Все же и так ясно.

— Ясно, — повторила Надежда. — Ясно. И до Нового года ты не...

— Да зачем нам сроки?! Все рано ничего не изменится!

— Ты уверен?

Он перестал отводить глаза в сторону и кивнул.

— Ясно, — еще раз повторила Надежда. — Ну хорошо, что ты это сейчас сказал, а не когда я бы встретила тебя на улице с прекрасной и юной девушкой.

— Вот ты не веришь, а у меня на самом деле никого!..

— Я знаю, — сказала она. — Ты честный парень.

Наверное, нужно встать и уйти. Не собираясь, не рыдая, не спрашивая, куда пойдет он, где станет жить, и — самое главное! — с кем! Наверное, следует сохранять остатки гордости, хотя непонятно, кому они нужны: его нет, а остатки зачем?!.

Но она все-таки заплакала, и плакала недолго.

Когда она завтра вернется после работы домой, уже ничего не будет прежним.

Уже ничего и никогда не будет таким, как раньше, — простым, ясным, веселым и теплым. Даже если он одумается и вернется, она больше никогда не поверит ему до конца, и станет постоянно ждать подвоха, и высматривать в его темных глазах что-то такое, что уже когда-то было и из-за чего он так жестоко поступил с ней, а он будет думать, что, пока его не было, она жила с другим или сразу с несколькими дру-

гими, а в книгах по психологии пишут, что мужчинам особенно невыносима мысль «про других»!

Она сейчас уйдет, а завтра все изменится, окончательно и бесповоротно, как будто великан наступил на домик лилипута — в порошок не растер, но примял изрядно, и теперь все там, в домике, примятые, странные, не осознавшие своего нового положения.

И ничего нельзя поделывать. Он даже ни о чем не спросил ее, когда принимал решение — за них обоих!

— Мне, наверное, лучше уехать, — сказала Надежда и сделала попытку встать с дивана, но так и не встала. — Я сейчас... сейчас...

— Ты только трагедий не устраивай, а? — попросил муж. — Мне ведь тоже тяжело.

— Тяжело, я знаю, — согласилась Надежда. — Как ты останешься один?.. Без меня?..

— Я переживу, — отрезал он. — Ничего со мной не будет.

— И ты даже не хочешь мне объяснить...

— Не хочу, Надь, — сказал он устало. — Все, что мог, я тебе уже объяснил, а дальше я сам ничего не знаю. Разлюбил я. А зачем жить вместе, если нет любви?

На этот вопрос Надежда ответа не знала. Ей казалось, что жить вместе все равно стоит, чтобы не пропасть поодиночке, чтоб было кому сказать: «Смотри, какой падает снег!», или что больше нет сил, или что очень хочется на море. Чтобы ночью было к кому прижаться, чтобы было кому показать ушибленный палец или стертую пятку, было с кем в гости пойти, кому поплакаться и с кем порадоваться. Или все это глупости?..

— К нам в отель президент приезжает, — произнесла она жалобно. — Представляешь? Заезжает его служба безопасности, а для обычных гостей мы закрываемся на два месяца.

— Какой президент?

— Американский, по-моему. — Тут она поняла, что не может вспомнить, как зовут американского президента, и опять заплакала.

— Надя!

— Я не буду, не буду, — торопливо сказала она и вытерла глаза.

Они еще посидели молча.

— А ты... будешь мне звонить?

Он промолчал.

— Или ты больше не хочешь меня видеть и слышать... вообще? Никогда?

— Да нет, — ответил он равнодушно. — Звони, конечно.

Уезжай, тихо и отчетливо сказал кто-то у нее в голове. Уезжай, хватит с тебя!..

И она поднялась с дивана.

Уехать сейчас было все равно что уйти на войну. Неизвестно, вернешься ли живым, и будут ли целы руки и ноги, или останешься навсегда там, куда уходишь.

Он посмотрел на нее.

— Ключи я отдам Саше. — Так звали соседа. — Прости меня и спасибо тебе за все.

— Это ты меня прости, — возразила Надежда. — И тебе спасибо. Ты для меня больше сделал, чем я для тебя.

Она забыла и то, что он для нее сделал, а потому просто повела вокруг рукой — как бы в знак того, что он сделал все.

Кажется, на том месте, где должна быть человеческая голова, наполненная мыслями, у нее осталась только вздутая пульсирующая кровавая рана, которая, должно быть, остается после гильотины.

Гильотину во Франции отменили только в 1978 году, а до этого в самой демократической и либеральной стране Европы все головы секли!..

Мне только что отсекли голову, хотя нынче уже не 1978 год. Что делать? Как жить без головы?..

Она еще походила по комнате, выжидая и смутно надеясь на то, что он сейчас скажет, что все это программа «Розыгрыш», хоум-видео, и сосед Сашка выпрыгнет откуда-нибудь с камерой, а муж подхватит ее под коленки, покружит и сообщит, что она дурочка последняя, раз во все это поверила, но ничего такого не произошло.

Он просто сидел и смотрел на нее. Ждал, когда она уйдет.

— В понедельник окно привезут, — вдруг сказал он. — В спальню. Ты не забыла?

Надежда сначала кивнула, а потом отрицательно помотала головой. Она понятия не имела ни про какое окно. Всеми такими делами в их семье занимался ее муж.

— Значит, забыла, — констатировал он.

— Да я и не знала.

— Как не знала! Я же тебе говорил!..

Она тяжело посмотрела на него.

— Ладно, — пробормотал он. — Я тогда заеду в понедельник, посмотрю, чтобы они его хорошо поставили. Ты в понедельник работаешь или нет?

У Надежды была сменная работа, как у шахтера или милиционера. Она быстро прикинула, работает или нет, — если не работает, значит, в понедельник у нее есть шанс его увидеть! Впрочем, если работает, всегда можно отпроситься у Лидочки. Лидочка умная и добрая, она все поймет и непременно ее отпустит!

— Я... Кажется, я на работе, но смогу...

— Вот и отлично, — продолжал он энергично. — Я приду, все сделаю, а когда ты вернешься, меня уже не будет. Тогда ключи Сашке я оставлю в понедельник, договорились?

— Да, — согласилась Надежда. — А может, ты до

понедельника уже поймешь, что твоя жизнь без меня пуста и однообразна...

— Я не пойму, — отрезал муж. — Ты шутишь, что ли?..

— Шучу, — мрачно подтвердила Надежда.

Она подцепила со стола ключи от своей машины и задумчиво покрутила их на пальце.

Я же его люблю. Я же его очень сильно люблю, а он принял решение — давно! — и ни слова мне не сказал, все обдумал и теперь прощается со мной навсегда?! И завтрашнее утро будет первым утром без него, и все последующие утра до самого конца тоже будут без него?!

— Ну, пока, — сказала она и сунула ключи в карман. — Я к Лидочке поеду, но завтра мне на работу, поэтому утром я приеду переодеваться. Ты еще здесь будешь?

Он покачал головой, как ей показалось, с облегчением.

— Нет, я, наверное, тоже уеду.

И она не спросила — куда. В прошлой жизни, которая кончилась десять минут назад, непременно бы спросила, а сейчас нет. Нельзя.

У порога — он пошел ее провожать — они обнялись и постояли некоторое время, тесно прижавшись друг к другу.

— Ты хорошо пахнешь, — сказала она

— Это ты мне подарила одеколон, — ответил он.

— Я желаю тебе удачи, — сказала она.

Еще секунда, и все кончится, и больше ничего не будет, ни тепла, ни одеколona, ни запаха, ни его самого.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Все будет хорошо.

— Я надеюсь, — ответила она.

И вышла за дверь, и стала спускаться вниз по ши-

рокой лестнице залитого весенним солнцем парадного. У нее за спиной привычно повернулся в замке ключ — тоже в последний раз.

Она спускалась, держась за нагретые перила, и то место, где положено быть голове, болезненно пульсировало, и, кажется, там надувались и лопались кровавые пузыри.

Она вышла из подъезда и некоторое время стояла, не в силах сообразить, что должна сейчас делать. Кажется, сесть в машину и поехать к Лидочке, но где ее машина? И как на ней ехать? И где живет Лидочка?

Она сообразила, конечно, и двинулась в сторону автомобиля, вяло придумывая, что именно скажет Лидочке.

Да, да, это самое лучшее, что можно сделать, — медленно поехать к Лидочке! Гильотинированная голова на миг приросла обратно. Надежда села в машину, завела ее и стала вырливать со двора.

Двое в пыльных «Жигулях» переглянулись.

— Ну, посмотрел? — спросил тот, что был за рулем. — Она и есть. Надежда Звонарева, начальник службы портье.

Второй зашелестел бумажками у себя на коленях, нашел нужную и прочитал короткую справку. Ничего не сказал и кивнул.

— Тебе о ней много знать не нужно, — продолжал первый. — Вы с ней виделись только один раз, на курсах в Лондоне. Ваш шеф, сэр Майкл Фьорини, приглашал на стажировку сотрудников из всех своих офисов. Ты тогда работал в Женеве.

— Да я помню! — возразил второй с досадой. — Почему у сэра такая странная фамилия? Итальянец?

— Итальянец. Титул купил. Все отели над ним смеются, но уважают. Он славный старикан.

— Почему мне о нем не говорили?

Первый усмехнулся, повернул в зажигании ключ и

несколько секунд послушал, как надсадно, словно из последних сил, стучит мотор.

— Успеется, — сказал он наконец. — Поехали. У нас еще несколько точек.

Когда Надежда, переждав на перекрестке «красный», поворачивала налево, «жигуль» вырулил из подворотни, помигал какому-то не в меру резвому джигиту, чтобы пропустил его, и покатил в другую сторону.

— Поэтому я от тебя и ухожу! — прокричала жена и очень громко стукнула по столу белой чашкой с красным сердцем и надписью «Я люблю Калифорнию».

У Дэна болела голова. Так сильно, как будто лопнули височные кости, и все, что было внутри и называлось его мозгами, вывалилось наружу. И теперь оно жарится на бешеном калифорнийском солнце, и скоро изжарится совсем.

— Зачем мы тогда сюда приехали? — спросил он. — Ты же так хотела в Калифорнию! И у нас отпуск...

— Затем, что я не хотела говорить об этом дома, где так много того, что мне дорого, — отчеканила жена.

Потом она подумала и достала из объемистой сумки книжицу, сверкнувшую глянцевою обложкой прямо ему в глаза. Он чуть не застонал.

— Вот тут написано, что расставаться следует быстро и ни о чем не сожалеть. — Она ловко и привычно пролистала тонкие страницы, нашла нужную и провозгласила: — «Расставайтесь легко и по первой необходимости! Расставайтесь дома и на работе! Расставайтесь в офисах и на вечеринках! Но если ваша связь была слишком долгой, лучше расставаться на нейтральной территории. Там у покинутого вами человека меньше шансов закатить скандал и окончательно испортить ваш день!»

Дэн Уолш вытарашил глаза. Даже голова перестала болеть.

— Ты бросаешь меня... по инструкции?!

— А что?! — спросила жена воинственно. — Это очень хорошая инструкция, и без нее я бы, может, и не решилась! И превратила бы свою жизнь в ад.

Он подумал немного.

— А мою?

Жена уже читала свою книгу в глянцевой обложке — всерьез читала, даже с упоением, и подняла на него глаза не сразу.

— Прости, не поняла?

— Мою жизнь ты не превратила в ад?

Она бережно закрыла томик, заложив палец на нужной странице. Черт бы ее подрал с ее психологическими книгами! Должно быть, в муниципальной школе города Топеки, где она училась, Библию читали с меньшим усердием!

— Дэн, — сказала она с чувством. — Твоя жизнь и так ад. Я просто не хочу в этом участвовать, вот и все! Мне тридцать семь лет, я делаю карьеру и планомерно иду к цели. У меня впереди долгая интересная дорога! А ты? Кто ты? Ты просто неудачник!

— Я?!

— Именно ты, Дэн, — произнесла она с сожалением и остановила проходящую мимо официантку: — Кофе без кофеина, сахару не нужно, молоко и горячую воду отдельно, пожалуйста. Кофе налейте в большую кружку, но только до половины, я не пью слишком крепкий. Я сама разбавлю его водой до нужной консистенции.

Официантка кивала, улыбалась, потом отошла на безопасное расстояние и сделала неприличный жест, с таким расчетом, чтобы Дэн видел, а его жена нет. На официантской груди фартучек стоял колом, распираемый силиконом.

Должно быть, мексиканка. Они все, перебравшись в Штаты, первым делом вставляют себе дешевые имплантаты.

— Ты постоянно в разъездах, Дэн Уолш! Госслужба не принесла тебе никаких дивидендов, кроме расстроенной психики и рухнувшей личной жизни.

— Я полковник федеральной службы безопасности, и мне всего тридцать девять.

— О'кей. Я знаю. Лет через десять ты станешь генералом и поведешь ни в чем не повинных американцев убивать ни в чем не повинных сербов в Ираке!

— Сербы в Сербии, — поправил ее Дэн Уолш неизвестно зачем. — В Ираке иракцы. Ни в чем не повинные американцы здесь, дома.

— О'кей. — Она подняла правую руку, словно собиралась на чем-нибудь поклясться. — В этих вопросах ты разбираешься лучше, чем я. Признаю.

— В каких вопросах?!

— В своих профессиональных, Дэнни, в профессиональных! Это единственное, в чем ты вообще разбираешься! Единственное, что привлекает тебя в жизни, — это Иран, Саддам, Фидель и несчастные сербы, против которых ополчился весь мир. Это очень благородно, Дэнни, но великая Америка строится не только на внешней политике. Великая Америка — это великие ценности.

— Я как раз охраняю одну из таких великих американских ценностей, — пробормотал Дэн Уолш. — Президента. И моя работа не имеет никакого отношения ни к сербам, ни к Саддаму!..

Но жене трудно было объяснить, что внешняя политика Штатов и федеральная служба охраны, в которой работает он, не имеют друг к другу никакого отношения. Она никогда этого не понимала, или понимала как-то по-своему и с гордостью говорила на

вечеринках-барбекю, что ее муж работает на «безопасность страны».

Он с ней не спорил. Он никогда не спорил — зачем? Вначале он был сильно в нее влюблен, и ему нравилось, что она им гордится, а потом объяснять стало как-то глупо — не дура же она на самом деле, чтобы в сотый раз повторять ей одно и то же!

Жена опять энергично вскинула руку. Откуда у нее взялись эти дурацкие жесты, как у дуче во время митингов в Риме?! Или в ее книжке сказано, что такие жесты при расставании отвлекают внимание покинутого и мешают ему закатить скандал и окончательно испортить ваш день?!

Попросить, что ли, виски?! Или здесь не подают? И после порции «Дикого индюка» немедленно захочется курить, а курить запрещено везде.

Милостивый боже, как болит голова! Это оттого, что меня бросает жена. Вот-вот бросит. А я не хочу! Не хочу!.. Мне придется все начинать сначала, а это долго, утомительно и неизвестно чем закончится! Кроме того, шеф не слишком жалуется офицеров «с проблемами», а у меня, кажется, проблемы, да еще какие!..

— В число великих американских ценностей, — продолжала жена, дучевскими жестами обрубая каждое слово, — входит не только верность долгу, дорогой! В число таких ценностей входит еще и верность семье! Мы служим не только Америке, но также господу и семье! А ты, Дэнни? Кому служишь ты?!

Дэн Уолш, профессионал до мозга костей, терпеть не мог таких разговоров. Он никогда не «служил господе, Америке и семье». Он просто работал так, как считал нужным, и работа была его жизнью.

— Я ничего не понимаю в таких вещах, — сказал он и отпил чуть теплого гадкого калифорнийского кофе. — Прости. Но ведь ты... любила меня. Что-то случилось?..

— Конечно, случилось! — энергично воскликнула она.

— Ты... нашла мне достойную замену?

— Дэнни, я каждое воскресенье хожу в церковь! И у алтаря перед лицом господина я поклялась оставаться тебе верной женой. Именно такой я и остаюсь! И твои подозрения оскорбительны для меня.

— Прости, — покаялся полковник Уолш. — Я не должен был так говорить. Но тогда в чем дело? Мы прожили вместе восемь лет, и ты, кажется, была довольна...

— Это ты был доволен! — крикнула она, и на глазах у нее показались слезы, и вдруг на одну минуту вернулась та самая студентка из Йеля, в которую он влюбился, казалось, на всю жизнь.

Она смешно говорила, стеснялась своей дремучей провинциальности и все время училась. У него почти не было денег — родители тогда как раз находились с ним в состоянии «холодной войны», а крохотной стипендии не хватало даже на квартиру. Его машина, столетний «Додж», подаренный ему владельцем магазина подержанных автомобилей за то, что он все лето мыл машины и катал потенциальных клиентов, заводилась только с третьей попытки, тряслась, гремела и изрыгала клубы синего дыма. И вот на этом «Додже» он первый раз повез ее в кино, а потом в немислимую закусочную на окраине, и им было очень весело и интересно вдвоем, и «Додж», который прожил с ними долгую и счастливую жизнь, немедленно получил имя «Грязный Гарри», и это тоже их очень веселило!..

Дэн Уолш, завидев слезы своей жены, моментально пересел на ее сторону, обнял и прижал к себе.

Она уткнулась горячим маленьким лицом ему в футболку и зарыдала еще горше.

— Ш-ш-ш, — сказал он нежно и покачал ее из сто-

роны в сторону. — Бедная моя! Не плачь, не плачь, маленькая!..

— Я давно уже не маленькая, Дэн, — грустно сообщила она и его рукавом вытерла глаза. — Я была маленькой, когда мы познакомились. И я тогда не понимала, какая ужасная жизнь ожидает меня...

Он потерся щекой о ее волосы, такие знакомые, так приятно и вкусно пахнувшие французскими духами, которые он привез ей из Парижа. Она никуда не выезжала дальше Майами, а он объездил весь мир и всегда привозил ей маленькие подарки. Утром в мотеле она побрызгалась именно французскими духами и рассеянно потрепала его по щеке, когда он сделал попытку поцеловать ее не «просто так», а с «дальним прицелом».

Утром он еще не знал, что именно она задумала. Даже не догадывался.

— Тебя никогда не бывает дома, — сказала жена и отвернулась к окну, должно быть, чтобы он не видел ее лица. — А когда ты есть, ты все время занят. Даже во время уик-энда тебе звонят на сотовый, и ты разговариваешь по нему!

— Я не могу не разговаривать, это может быть важно...

— У Эшли муж хирург, и он никогда не отвечает на звонки, если ему звонят в выходные, — ожесточенно продолжала жена. — Никогда! Он ценит возможность побыть со своей семьей, и для него это важнее, чем любая работа! И дом! Ты видел, какой у них дом?

— Видел, — согласился Дэн Уолш. — У меня никогда не будет такого.

— Вот именно! — Тут она взглянула на него, и он понял, что той девчонки, которая каталась с ним на «Грязном Гарри» и ела дешевую китайскую лапшу, уже давно нет и, наверное, больше никогда не будет. — А если бы ты перешел консультантом в част-

ную фирму, например... например... да в какую угодно фирму, ты давно был бы миллионером!

— Не уверен.

— Дэн, ты блестящий профессионал, и все об этом знают! У тебя куча наград, и в прошлом году тебя даже приглашали читать лекции по безопасности!..

— Приглашали, — согласился Дэн Уолш. — Но это не значит, что я потенциальный миллионер! И... я не понял. Нам не хватает денег? Или я пропустил что-то важное?

— Мне не хватает тебя! — крикнула она и опять сделала энергичное движение. — Уже давно не хватает, Дэн!

Он пожал плечами и посмотрел поверх ее волос на залитую яростным калифорнийским солнцем улицу.

Он терпеть не мог калифорнийское солнце, калифорнийское шампанское и калифорнийских красавиц.

— У меня такая работа, и я плохо себе представляю, что она может быть другой.

— Вот именно, Дэн! — с горечью сказала его жена. — Вот именно! Ты не представляешь себя без этой чертовой работы, а я не представляю, что должна прожить жизнь соломенной вдовой!

— Чушь! — вдруг вспыхнул он. — Я не подводник и не полярник. Я не пропадаю по три месяца в рейде или на Северном полюсе. Шеф не бывает в командировках по полгода, а мы ездим, только когда ездит он!

— О'кей, — согласилась жена. — В прошлый уик-энд ты был в Париже, хотя нас приглашали Сикорски, и все были там парами, а я, как всегда, одна!

— Но я прилетел, и у меня было несколько дней...

— А у меня-то их не было, Дэнни! Я должна быть на службе всю неделю, и только уик-энд я могу посвятить семье.

— Семье — это значит мне? — уточнил Дэн Уолш. —